

I

Мистер Артур Заммлер проснулся очень рано, почти на рассвете (во всяком случае, при нормальном небе это явление следовало бы назвать именно так). Открыв глаз, он оглядел из-под кустистой брови свою вестсайдскую спальню, заваленную книгами и газетами. У него возникло сильное подозрение, что все это не те книги, не те газеты. Но когда тебе за семьдесят и спешить некуда, пожалуй, не так уж важно, чтобы все было то. Да и вообще, только люди со странностями могут упорно твердить, будто в их жизни все правильно. Остальные понимают: правота — это в значительной степени вопрос трактовки. Современный интеллектуал — человек трактующий. Отцы постоянно растолковывают что-нибудь детям, жены — мужьям, лекторы — слушателям, специалисты — неспециалистам, коллеги — коллегам, врачи — пациентам, человек — собственной душе. Мы только и говорим, что о корнях того и причинах другого, о предпосылках исторических событий, о структурах и закономерностях. А у слушателей, как правило, в одно ухо влетает, в другое вылетает. Душа по-прежнему хочет того, чего хочет. У нее свое естественное знание. Ей неуютно сидится на наших объяснительных надстройках. Она как бедная птица, которая не знает, куда лететь.

Глаз ненадолго закрылся. Мистеру Заммлеру подумалось, что это безнадежный труд — качать и качать воду, как делают голландцы в попытке отвоевать несколько акров сухой земли у наступающего моря. Оно, море, — метафора фактов и ощущений, которые все множатся и множатся. А почва — это идеи.

Поскольку спешить на работу было не нужно, мистер Заммлер решил дать сну второй шанс: возможно, в воображаемой реальности некоторые проблемы решатся. Он снова натянул на себя отключенное электрическое одеяло — сеть сухожилий и шишек под приятным на ощупь атласом. Дремота еще не прошла, но по-настоящему спать уже не хотелось. Сознание вступило в свои права.

Мистер Заммлер сел и включил электроплитку. Воду он налил перед сном. Ему нравилось смотреть, как нагревается пепельная спираль. Она оживала яростно, вспыхивая крошечными искорками, краснея и топорщась под лабораторной колбой из термостойкого стекла. А в глубине белея. Левый глаз мистера Заммлера только различал свет и тень. Зато правый, темный и блестящий, зорко смотрел из-под волосков нависшей брови, придавая Заммлеру сходство с собаками некоторых пород. Пропорционально росту его лицо казалось маленьким, и эта особенность обращала на себя внимание.

Оттого что в его внешности есть нечто, обращающее на себя внимание, ему было беспокойно. Возвращаясь домой на привычном автобусе с Сорок второй улицы, из библиотеки, он несколько вечеров подряд наблюдал работу карманника. Тот садился на площади Колумба и до Семьдесят второй улицы успевал сделать свое противозаконное дело. Мистер Заммлер видел это единствен-

ным здоровым глазом благодаря большому росту. И теперь думал: не слишком ли близко он стоял? Не заметил ли вор, что он его заметил? Глаза мистера Замлера всегда защищали затемненные очки, но на слепого он похож не был. Ходил не с белой тростью, а с зонтиком в британском стиле. И смотрел не так, как смотрят незрячие. Карманник — мощный негр в пальто из верблюжьей шерсти — тоже носил темные очки. Вид у него был такой по-английски элегантный, как будто он одевался у мистера Фиша в Вест-Энде или в магазине «Тернбулл и Эссер» на Джермин-стрит (мистер Замлер хорошо знал свой Лондон). Когда к мистеру Замлеру повернулись два генцианово-фиолетовых кружка в изящной золотой оправе, он разглядел под ними нахальство большого животного. Трусом он не был, но бед в его жизни и так хватало. С большей частью он, вероятно, мог свыкнуться (то есть как бы ассимилировать их), однако не мог примириться. Сейчас Замлер подозревал, что негр обратил внимание на высокого белого старика, который (прикидываясь слепым?) наблюдал все его преступные манипуляции в мельчайших подробностях. Пялился сверху вниз на его руки, как на руки хирурга, делающего операцию на открытом сердце. Чтобы себя не выдать, мистер Замлер решил не отворачиваться, но компактное цивилизованное пожилое лицо все-таки густо покраснело под взглядом вора, по коже пробежали мурашки, а губы и десны почувствовали жжение, как от укуса насекомого. В основании черепа, там, где туго переплетаются нервы, мускулы и кровеносные сосуды, что-то тошнотворно сжалось. Поврежденные ткани, это спагетти из нервов, словно бы обдало дыханием военной Польши.

Если метро прямо-таки убивало мистера Заммлера, то автобусы он находил сносными. Неужели теперь ему и на них нельзя было ездить? Он никогда не умел держаться, как подобает семидесятилетнему ньюйоркцу — в стороне от того, что его не касается. В этом и заключалась его проблема. Он забывал о своем возрасте и о положении, не обеспечивающем ему безопасности. В Нью-Йорке безопасность была привилегией тех, кто мог позволить себе не соприкасаться с толпой, — людей с доходом в пятьдесят тысяч, которые состояли в дорогих клубах и пользовались услугами таксистов, швейцаров, охранников. Ему же, мистеру Заммлеру, приходилось покупать еду в автомате и ездить на автобусе или слушать скрежет вагонов метро. Ничего особенно страшного в этом не было, но, прожив двадцать лет в Лондоне в качестве корреспондента варшавских газет и журналов, он приобрел привычки «англичанина», не самые полезные для беженца, осевшего на Манхэттене. Его манера изъясняться больше подходила для комнаты отдыха в каком-нибудь из оксфордских колледжей, а лицо — для библиотеки Британского музея. Он влюбился в Англию еще до Первой мировой войны, когда жил в Кракове и учился в школе. Большую часть той дури из него впоследствии повыбили. Скептические размышления о судьбах Сальвадора де Мадарьяги*, Марио Праца**, Андре Моруа и полковника

---

* Сальвадор де Мадарьяга (1886–1978) — испанский дипломат, историк и журналист. Учился и преподавал в Оксфорде, сотрудничал с газетой «Таймс». Живя в Англии, поддерживал сопротивление режиму Франко. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Марио Прац (1896–1982) — итальянский искусствовед и литературовед. Читал лекции по итальянской литературе в университетах Великобритании и США и по англо-американской литературе — в Риме.

Брамбла* помогли ему переосмыслить феномен англо-мании. И все-таки в этом автобусе при встрече с элегантным дикарем, который только что опустошил чужую сумочку (она так и осталась висеть открытой на плече хозяйки), мистер Замлер снова принял английский тон. Его сухое, аккуратное, чопорное лицо заявило: «Меня это не касается. Я ничьих границ пересекать не намерен», но под мышками вдруг стало горячо и мокро. Так мистер Замлер и висел на ременной петле верхнего поручня, зажатый между другими пассажирами, которые налегали на него своим весом и на которых, в свою очередь, налегал он. Тем временем толстошинный автобус, брюзжа, как рыхлый силач, проехал по огромному кольцу и вывернул на Семьдесят вторую улицу.

Мистер Замлер действительно производил впечатление человека, не знающего, сколько ему лет и на каком жизненном этапе он находится. Это было заметно по его походке. По улицам он шагал быстро, энергично, до странности легко и безрассудно. На затылке развевались седые волосы. Переходя дорогу, он высоко поднимал сложенный зонтик в качестве предостерегающего сигнала для несущихся на него машин, автобусов и грузовиков. Даже рискуя быть сбитым, он не мог расстаться со своей привычкой ходить вслепую.

Примерно таким же образом безрассудство мистера Замлера проявилось и в истории с карманными кражами. Он знал, что вор «работает» на риверсайдском

---

* Андре Моруа (Эмиль-Саломон-Вильхельм Херцог, 1885–1967) — французский писатель, чьи произведения (прежде всего, роман «Молчание полковника Брамбла») пользовались популярностью в англоязычных странах. Во время Второй мировой войны эмигрировал в США.

автобусе. Видел, как тот вытаскивает кошельки, и сообщил об этом в полицию. Но там не очень-то заинтересовались. Он почувствовал себя дураком, оттого что бросился к телефонной будке на Риверсайд-Драйв. Естественно, телефон был разбит. Изувечен, как и большинство уличных автоматов. Они чаще использовались в качестве туалетных кабинок, чем по прямому назначению. Нью-Йорк обещал стать хуже Неаполя или Салоник. Он превращался в азиатский или африканский город, причем этот процесс затрагивал даже привилегированные кварталы. Вы могли открыть дверь, инкрустированную драгоценными камнями, и шагнуть из гиперцивилизированной византийской роскоши прямо в природное состояние, в цветной мир варварства, рвущегося снизу. А иногда оно оказывалось по обе стороны двери. Например, в сексуальном смысле. Как мистер Заммлер теперь начинал догадываться, фокус заключался в том, чтобы добиться привилегий, которые позволяют варварству свободно существовать под защитой цивилизованного порядка, прав собственности, развитых технологий и так далее. Да, наверное, все дело было в этом.

Мистер Заммлер молот себе кофе, против часовой стрелки крутя ручку квадратной коробочки, зажатой между колен. Такие повседневные действия он выполнял со своеобразной педантической неловкостью. В прежние времена, когда он жил в Польше, во Франции, в Англии, студенты и молодые джентльмены не имели обыкновения заглядывать на кухню. Сейчас ему приходилось самому делать то, что раньше делали кухарки и горничные. И он совершал это церемонно, как религиозный обряд. Признавая свое социальное па-

дение. И крах истории. И трансформацию общества. Чувство личного унижения было здесь ни при чем. Во время войны в Польше он все это преодолел — особенно идиотскую боль утраты классовых привилегий — и теперь, насколько возможно с одним здоровым глазом, сам штопал себе носки, пришивал пуговицы, чистил раковину, весной обрабатывал спреем шерстяные вещи, чтобы убрать их до следующей зимы. Конечно, в семье были женщины: его дочь Шула и племянница жены Маргот Аркин, в чьей квартире он жил. Иногда они кое-что для него делали, если хотели. Иногда делали даже много, но это не было системой, не входило в рутину. Все рутинное мистер Заммлер выполнял сам. Пожалуй, это даже помогало ему сохранять молоджавость. Моложавость, поддерживаемую не без трепета, который он сознавал. Ему забавно было замечать эту дрожь оживленности у старых женщин в ажурных колготках и старых мужчин, старающихся выглядеть сексуальными. Все они с готовностью, как монарху, подчинялись требованиям молодежного стиля. Власть есть власть: сюзерены, короли, боги. В поклонении им никто не знает меры. И, конечно, никто не хочет достойно и трезво мириться со смертью.

Мистер Заммлер поднял над колбой свою мельницу с намотым кофе в выдвижном ящичке. Спираль плитки постепенно накалилась добела, издавая гневное шипение. Капельки воды заискрились. Со дна стали грациозно подниматься пузырьки-первопроходцы. Мистер Заммлер высыпал кофе в воду, а в чашку положил кусочек сахару и полную ложку сухих сливок «Прим». В прикроватной тумбочке он держал пакетик луковых булочек из магазина «Зейбарс». В полиэтиле-

новом пакете с белым пластиковым зажимом они были сохранены, как плод в материнской утробе. Тем более что тумбочка внутри имела медную обшивку и использовалась раньше для хранения сигар. Эта вещь принадлежала Ашеру Аркину, мужу Маргот, погибшему три года назад в авиакатастрофе. Хороший был человек, Заммлер о нем горевал. Когда вдова предложила Заммлеру поселиться в одной из комнат большой квартиры на Девяностой Западной, он спросил, можно ли ему взять сигарную тумбочку Аркина. Сентиментальная Маргот сказала: «Конечно, дядя! Прекрасная мысль! Ведь вы так любили Ашера!» Она обладала немецкой романтической натурой. У Заммлера было с ней мало общего. Она ведь даже не ему приходилась племянницей, а его жене, умершей в Польше в сороковом году. Да, его покойная жена была теткой вдовы. С какой стороны ни посмотришь или ни попытаешься посмотреть — везде покойники. К такому привыкаешь не сразу.

Мистер Заммлер попил грейпфрутового сока из жестяной банки, проткнутой в двух местах. Чтобы взять ее с подоконника, он раздвинул занавески и невольно выглянул в окно: бурый песчаник, балюстрады, эркеры, кованое железо. Решетки и гофрированные водосточные трубы чернели на коричневатых фасадах, как штемпели на почтовых марках в альбоме. В этом городе человеческая жизнь, облаченная буржуазной солидностью, выглядела очень тяжеловесной. Стремление к постоянству, выраженное такими формами, навевало грусть. Ведь мы уже полетели на Луну. Имел ли человек право на собственные ожидания, если он уподобился пузырькам в колбе с кипящей водой? Как бы

то ни было, люди преувеличивали трагизм своего положения. Уделяли слишком много внимания разрушению прежних опор. То, во что раньше верили, на что надеялись, теперь покрывалось толстым слоем горькой черной иронии. Она пришла на смену чернилам буржуазной стабильности. Нет, это никуда не годилось. Оправдывая лень, глупость, поверхностность, сумасбродство и похоть, люди просто выворачивали прежние понятия о респектабельности наизнанку.

Вот о чем думал мистер Заммлер, глядя в свое окно, обращенное на восток. Он видел вздувшееся асфальтовое брюхо дороги с дымящимися пупками канализационных люков и соцветия мусорных баков на шербатах тротуарах. Пристроенные вплотную друг к другу небольшие дома из бурого песчаника. Желтый кирпич многоквартирных зданий (мистер Заммлер жил как раз в таком). Кусты телевизионных антенн — этих вибрирующих хлыстообразных металлических отростков, которые, улавливая образы из воздуха, роднили замурованных обитателей квартир. С западной стороны Гудзон отделял мистера Заммлера от нью-джерсийского промышленного гиганта «Спрай». Ночью эти буквы ярким электрическим светом прорезали темноту. Однако мистер Заммлер был наполовину слеп.

А вот в автобусе зрение служило ему хорошо. Он увидел, как совершилось преступление. И доложил копам. Но их его сообщение явно не потрясло. Надо было просто перестать ездить на том автобусе, но он, наоборот, приложил усилия, чтобы испытать это еще раз. Слонялся по площади Колумба, пока снова не заметил вора. Четыре вечера мистер Заммлер заворуженно наблюдал за работой карманника. В первый раз мужественная нег-

ритянская рука залезла в дамскую сумочку: просунулась из-за спины хозяйки, приподняла замочек и легким постукиванием заставила его открыться. Потом спокойно, без всякой дрожи, отодвинула полированным ногтем большого пальца пластиковый конвертик с социальными или кредитными картами, пилки для ногтей, помаду и красные бумажные салфетки. Один щипок — и вот они, недра кошелька. За отделением для мелочи лежит зелень. Все так же неторопливо рука забрала деньги. Уверенным движением доктора, щупающего живот пациента, негр закрыл сумочку и повернул позолоченную застежку. В эту минуту собственная голова показалась Заммлеру особенно маленькой. Она скукожилась от напряжения. Стиснув зубы, он продолжал смотреть на обчищенную кожаную сумку, висящую у бедра женщины, которая (он поймал себя на этом) вызвала у него раздражение. Ничего не заметила! Вот идиотка! Живет себе с какой-то кашей в голове вместо мозгов. Ноль инстинктов, ноль знания Нью-Йорка. А вор уже от нее отвернулся. Пальто из верблюжьей шерсти, подчеркивающее ширину плеч, темные очки (настоящий Кристиан Диор), высокий отложной воротник на кнопке, плотно обхватывающий мощную шею, галстук вишневого шелка. Под африканским носом щеголевато подстриженные усы. Лишь самую малость подавшись в его сторону, Заммлер как будто бы почувствовал аромат французских духов. Заметил ли он, этот негр, что за ним наблюдают? Пошел ли за свидетелем своего преступления, чтобы узнать, где тот живет? Об этом оставалось только гадать.

Заммлеру не было дела до блеска, стиля и виртуозности преступников. Он не смотрел на них как на героев. Об этом он несколько раз говорил со своей моло-

дой родственницей Анджелой Грунер, дочерью доктора Арнольда Грунера, живущего в Нью-Рошелле. Это был тот самый человек, благодаря которому мистер Заммлер жил теперь в Соединенных Штатах: в сорок седьмом году Арнольд (Элья) Грунер вытащил его из лагеря для перемещенных лиц в Зальцбурге и перевез через океан, потому что был обременен родственными чувствами в духе Старого Света. И потому что встретил в газете на идише, где печатали списки беженцев, имена Артура и Шулы Заммлер. Теперь дочь доктора Грунера часто навещала мистера Заммлера: психотерапевт, к которому она ходила несколько раз в неделю, принимал в соседнем доме. Анджела принадлежала к социально и человечески важной категории красивых, страстных и богатых девушек. Образование получила плохое. Изучала литературу, преимущественно французскую. В Колледже Сары Лоренс*. Мистер Заммлер с трудом припоминал Бальзака, читанного в Кракове в 1913 году. Один из героев, Вотрен, был беглым каторжником и имел прозвище *Trompe-la-morte*** . Нет, романтика преступного мира не привлекала мистера Заммлера. А Анджела перечисляла деньги в фонд, занимавший адвокатов для чернокожих убийц и насильников. Но это, разумеется, было ее личное дело.

Так или иначе, мистер Заммлер не мог не признать, что, однажды увидев, как работает карманник, он захотел увидеть это снова. Неизвестно почему. Полученное им сильное впечатление вызвало у него запретную (то есть противоречащую его собственным принципам)

---

* Нью-йоркский частный колледж, в котором до 1968 года обучались только женщины.

** Обмани смерть (*фр*).